ЗИМА

ЧИТАЕМ САМИ

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

1-4 КЛАСС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Русская зима – суровая, морозная, снежная – воспевалась в произведениях многих русских писателей. В этой книге собраны стихи и проза, посвященные этому времени года. Читая их, ребенок сможет хорошо подготовиться к урокам чтения и литературы и ознакомиться с произведениями, которые не включены в традиционные хрестоматии и учебники.

- Составитель С. Ф. Дмитренко
  - Родителям, учителям и любознательным школьникам
  - Иван Никитин
  - Афанасий Фет
  - Дмитрий Цертелев
  - Николай Огарёв
  - Осип Мандельштам
  - Владимир Бенедиктов
  - Пётр Вяземский
  - Алексей Апухтин
  - Александр Блок
  - Саша Чёрный
  - Волк
  - Иван Суриков
  - Константин Станюкович
  - Николай Вагнер
- notes
  - 1
  - 2

Составитель С. Ф. Дмитренко
Зима. Произведения русских писателей о зиме

Родителям, учителям и любознательным школьникам

Эта книга не заменяет, а существенно дополняет традиционные хрестоматии и сборники по литературному чтению. Поэтому вы не найдёте здесь многих знаменитых произведений, постоянно перепечатывающихся и включённых в названные книги. К счастью, русская литература неисчерпаемо богата и расширять свой круг чтения можно бесконечно, было бы увлечение.

Эта книжка – одна из четырёх в серии, посвящённых временам года. Книжка о зиме, нашей знаменитой русской зиме. Её морозы и метели воспевают поэты и писатели XIX–XX веков. Вместе с тем, как мы все знаем, у нашей зимы есть и самые главные события: солнцеворот, новогодье и русские святки: период от Рождества до Крещенья.

В эпоху всеобщего распространения Интернета и лёгкости получения посредством его любой справки и пояснения мы решили обойтись без систематических комментариев к текстам и подробных биографических справок о писателях. Кому-то из читателей они могут понадобиться, кому-то – нет, но во всяком случае каждый школьник получает прекрасную возможность убедиться, что самостоятельный поиск толкований непонятных слов и выражений в Интернете не менее увлекателен, чем знаменитые «стрелялки» и тому подобные аттракционы.

Также хочется надеяться, что чтение книг нашей серии вызовет у школьников желание прочитать и другие произведения прекрасных русских писателей, тем более что некоторые печатаемые здесь произведения мы по понятным причинам

вынуждены давать в сокращении.

Доброго вам чтения!

Иван Никитин

Встреча зимы

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

В полдень дождь перестал
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй:
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

20 ноября 1854

Афанасий Фет

«Ещё вчера, на солнце млея…»

Ещё вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.

Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чём не изменяла
Непобедимая сосна.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо – всё одето
Каким-то тусклым серебром.

Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.

Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.

1864 (?)

«Вот утро севера – сонливое, скупое…»

Вот утро севера – сонливое, скупое —
Лениво смотрится в окно волоковое;
В печи трещит огонь – и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит… а дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо.
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень нарастает. Но, Боже, как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит – и скроется… И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

1842

«Кот поёт, глаза прищуря…»

Кот поёт, глаза прищуря;
Мальчик дремлет на ковре.
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».
Мальчик встал, а кот глазами
Проводил и всё поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

<1842>

Дмитрий Цертелев

«Опять зима, и птицы улетели…»

Опять зима, и птицы улетели,
Осыпались последние листы,
И занесли давно уже метели
Заглохший сад, поблекшие цветы.

Напрасно ищешь красок и движенья,
Окутал всё серебряный покров,
Как будто небо – только отраженье
Под ним разостланных снегов.

1892

Николай Огарёв

«Там на улице холодом веет…»

Там на улице холодом веет,
Завывает метель под окном;
Ещё ночь над землей тяготеет,
И всё спит безмятежно кругом.

Я один до рассвета проснулся
И безмолвно камин затопил,
И трескучий огонь встрепенулся
И блуждающий отблеск разлил.

Тяжело мне и грустно мне стало,
И невольно на память пришло,
Как мне в детские годы бывало
У камина тепло и светло.

1840

Осип Мандельштам

«Как подарок запоздалый…»

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима,
Я люблю её сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел, —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.

Но сильней всего непрочно —
Выпуклых голубизна,
Полукруглый лед височный
Речек, бающих без сна…

29—30 декабря 1936

Владимир Бенедиктов

Мороз

Чу! С двора стучится в ставни:
Узнаю богатыря.
Здравствуй, друг, знакомец давний!
Здравствуй, чадо декабря!
Дым из труб ползёт лениво;
Снег под полозом визжит;
Солнце бледное спесиво
Сквозь туман на мир глядит.
Я люблю сей благодатный
Острый холод зимних дней.
Сани мчатся. Кучер статный,
Окрылив младых коней,
Бодр и красен: кровь играет,
И окладисто – горда,
Серебрится и сверкает
В снежных искрах борода.

<1842>

Ёлка

Ёлка, дикую красу
Схоронив глубоко,
Глухо выросла в лесу,
От людей далёко.

Ствол под жёсткою корой,

Зелень – всё иголки,
И смола слезой, слезой
Каплет с бедной ёлки.

Не растёт под ней цветок,
Ягодка не спеет;
Только осенью грибок,
Мхом прикрыт – краснеет.

Вот сочельник рождества:
Ёлку подрубили
И в одежду торжества
Ярко нарядили.

Вот на ёлке – свечек ряд,
Леденец кручёный,
В гроздьях сочный виноград,
Пряник золочёный.

Вмиг плодами поросли
Сумрачные ветки;
Ёлку в комнату внесли:
Веселитесь, детки!

24 декабря 1857

Пётр Вяземский

Метель

День светит; вдруг не видно зги,
Вдруг ветер налетел размахом,
Степь поднялася мокрым прахом
И завивается в круги.

Снег сверху бьёт, снег прыщет снизу,
Нет воздуха, небес, земли;
На землю облака сошли,
На день насунув ночи ризу.

Штурм сухопутный: тьма и страх!
Компас не в помощь, ни кормило:
Чутьё заглохло и застыло
И в ямщике и в лошадях.

Тут выскочит проказник леший,
Ему раздолье в кутерьме:
То огонёк блеснёт во тьме,
То перейдёт дорогу пеший,

Там колокольчик где-то бряк,
Тут добрый человек аукнет,
То кто-нибудь в ворота стукнет,
То слышен лай дворных собак.

Пойдёшь вперёд, поищешь сбоку,
Всё глушь, всё снег, да мёрзлый пар.
И божий мир стал снежный шар,
Где как ни шаришь, всё без проку.

Тут к лошадям косматый враг
Кувыркнется с поклоном в ноги,
И в полночь самую с дороги
Кибитка набок – и в овраг.

Ночлег и тихий и с простором:
Тут тараканам не залезть,
И разве волк ночным дозором

Придёт проведать – кто тут есть?

1828

Алексей Апухтин

Огонёк

Дрожа от холода, измучившись в пути,
Застигнутый врасплох суровою метелью,
Я думал: лошадям меня не довезти
И будет мне сугроб последнею постелью…

Вдруг яркий огонёк блеснул в лесу глухом,
Гостеприимная открылась дверь пред нами,
В уютной комнате, пред светлым камельком,
Сижу обвеянный крылатыми мечтами.

Давно молчавшая опять звучит струна,
Опять трепещет грудь волненьями былыми,
И в сердце ожила старинная весна,
Весна с черёмухой и липами родными…

Теперь не страшен мне протяжный бури вой,
Грозящий издали бедою полуночной,
Здесь – пристань мирная, здесь – счастье
и покой,
Хоть краток тот покой и счастье то непрочно.

О, что до этого! Пускай мой путь далёк,
Пусть завтра вновь меня настигнет буря злая,
Теперь мне хорошо… Свети, мой огонёк,
Свети и грей меня, на подвиг ободряя!

1871

Александр Блок

Ветхая избушка

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.
Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег…
Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом…
В снежном доме будет
Резвая игра…
Пальчики застудят, —
По домам пора!
Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна —
Ан уж дом растаял,
На дворе – весна!

Саша Чёрный

На коньках

Мчусь, как ветер, на коньках
Вдоль лесной опушки…
Рукавицы на руках,
Шапка на макушке…
Раз-два! Вот и поскользнулся…
Раз и два! Чуть не кувыркнулся…
Раз-два! Крепче на носках!
Захрустел, закрякал лёд,
Ветер дует справа.
Ёлки-волки! Полный ход —
Из пруда в канаву…
Раз-два! По скользкой дорожке…
Раз и два! Весёлые ножки…
Раз-два! Вперёд и вперёд…

<1913>

Волк

Вся деревня спит в снегу.
Ни гу-гу. Месяц скрылся на ночлег.
Вьётся снег.
Ребятишки все на льду,
На пруду. Дружно саночки визжат —
Едем в ряд!
Кто в запряжке, кто седок.
Ветер в бок. Растянулся наш обоз
До берёз.
Вдруг кричит передовой:
«Черти, стой!» Стали санки, хохот смолк.
«Братцы, волк!..»
Ух, как брызнули назад!
Словно град. Врассыпную все с пруда —
Кто куда.
Где же волк? Да это пёс —
Наш Барбос! Хохот, грохот, смех и толк: «
Ай да волк!»

<1925>

Зимою всего веселей

Зимою всего веселей
Сесть к печке у красных углей,
Лепёшек горячих поесть,
В сугроб с голенищами влезть,
Весь пруд на коньках обежать
И бухнуться сразу в кровать.

Весною всего веселей
Кричать средь зелёных полей,

С барбоской сидеть на холме
И думать о белой зиме,
Пушистые вербы ломать
И в озеро камни бросать.

А летом всего веселей
Вишнёвый обкусывать клей,
Купаясь, всплывать на волну,
Гнать белку с сосны на сосну,
Костры разжигать у реки
И в поле срывать васильки…

Но осень ещё веселей!
То сливы срываешь с ветвей,
То рвёшь в огороде горох,
То взроешь рогатиной мох.
Стучит молотилка вдали —
И рожь на возах до земли.

<1925>

Иван Суриков

Зима

Белый снег, пушистый в воздухе кружится
И на землю тихо падает, ложится.
И под утро снегом поле побелело,
Точно пеленою всё его одело.
Тёмный лес что шапкой принакрылся чудной
И заснул под нею крепко, непробудно…
Божьи дни коротки, солнце светит мало,
Вот пришли морозцы – и зима настала.
Труженик-крестьянин вытащил санишки,
Снеговые горы строят ребятишки.
Уж давно крестьянин ждал зимы и стужи,
И избу соломой он укрыл снаружи.
Чтобы в избу ветер не проник сквозь щели,
Не надули б снега вьюги и метели.
Он теперь покоен – всё кругом укрыто,
И ему не страшен злой мороз, сердитый.

Константин Станюкович
Ёлка

I

В этот поистине «собачий» вечер, накануне сочельника, холодный, с резким леденящим ветром, торопившим людей по домам, в крошечной каморке одной из петербургских трущобных квартир подвального этажа, сырой и зловонной, с заплесневевшими стенами и щелистым полом, мирно и благодушно беседовали два обитателя этой каморки, попивая из кружек чай и закусывая его ситником.

Эти двое людей, чувствовавшие себя в относительном тепле своего убогого помещения, по-видимому, весьма недурно, были: известный трущобным обитателям под кличкой «майора» (хотя «майор» никогда в военной службе не служил) пожилой человек трудно определимых лет, с одутловатым, испитым лицом, выбритым на щеках, с небольшой, когда-то рыжей эспаньолкой, короткой седой щетиной на продолговатой голове и с парой юрких серых глаз, глядевших из-под нависших, взъерошенных бровей, и приёмыш-товарищ «майора», худенький тщедушный мальчуган лет восьми-девяти с бледным личиком, белокурыми волосами и оживленными чёрными глазами.

Мальчик только что вернулся с «работы», прозябший и голодный, и, утолив свой голод горячими щами и отогревшись, рассказывал майору о тех диковинах, которые он видел в окнах магазинов на Невском, куда он ходил сегодня, по случаю ревматизма, одолевшего «майора», надоедать прохожим своим визгливым, искусственно-жалобным голоском: «Миленький барин! Подайте мальчику на хлеб! Миленькая барынька! Подайте милостинку бедному мальчику!»

Майор с сосредоточенным вниманием слушал оживлённый рассказ мальчика, переполненного впечатлениями, и по временам ласково улыбался, взглядывая на своего сожителя с трогательной нежностью, казавшейся несколько странной для суровой по внешнему виду наружности майора.

– Так ты, братец, находишь, что эта ёлка очень хорошая? – спрашивал майор своим сиплым, надтреснувшим баском, наливая мальчику новую кружку чая.

– Страсть какая хорошая, дяденька! – с восторгом воскликнул мальчик и лениво отхлебнул чай.

– Какая же она такая? Рассказывай!

– Большущая… а под ей старик весь белый-пребелый с длинной бородой. а на ёлке-то, дяденька, видимо-невидимо всяких штучек. И яблоки. и апельсины. и фигуры. И вся-то она горит. свечей много. И всё вертится. Я так загляделся на неё, что чуть было чёрта-фараона не прозевал. Однако, небось, вовремя дал тягу! – с весёлым смехом прибавил мальчик и плутовато сверкнул глазами.

– А зазяб очень?

– Зябко было. Главная причина: ветер! – проговорил, напуская на себя серьёзный, деловитый вид, мальчуган с чёрными глазами. – А то бы ничего. Два раза бегал чай пить. Да работа была неважная. Всего тридцать копеек насобрал. Погода!.. Вот что завтра бог даст!

– Завтра ты не ходи! – после минутного раздумья сказал майор. – Завтра я выйду на работу!

Это известие, по-видимому, не особенно обрадовало мальчика, и он заметил:

– Да ведь ты нездоров, дяденька.

– За ночь нога отойдёт. А ты не ходи! – внушительно повторил майор. – Нечего шататься, да и заболеть по этой погоде недолго. Ты ведь у меня дохленький! – прибавил майор. – И то сегодня в своей кацавейке, небось, попрыгал… Никак уж простудился?

И с этими словами майор, одетый в какую-то обтрёпанную хламиду, заменявшую халат и покрывавшую его бурое голое тело, поднялся с табурета и приложил свою вздрагивавшую, грязную, но маленькую, видимо дворянскую руку к голове возбуждённого и раскрасневшегося мальчика.

– Ишь. горячая! – сердито проворчал майор и спросил: – Болит?

– Не болит!

– И нигде не болит? Смотри, Федя, говори правду.

– Вот-те крест, нигде не болит! Только будто жарко немного.

– А ты спать ложись. Я тебя укрою. Выспишься, и ладно будет!

Мальчик послушался и, сняв с себя навёрнутое тряпьё, лёг на постель, устроенную из пустого большого ящика, поверх которого лежал соломенный тюфяк. Майор заботливо укрыл ребенка рваным одеялом и своим так называемым «пальто», изображавшим собой нечто рыжее, неизвестно какой материи.

– Ну спи, спи теперь.

– А ты?

– И я скоро лягу.

Несколько минут в маленькой каморке, освещённой скупым светом небольшой лампочки, царила тишина. Майор сидел на своём табурете у кривоногого стола, погруженный в какие-то думы.

Товарищу его не спалось. Голова его полна была впечатлениями сегодняшнего дня, и он проговорил:

– Дяденька!

– Что тебе?

– А должно быть, такая ёлка дорого стоит?

– А ты думал дёшево? – усмехнулся майор.

– То-то я и говорю. Поди, рублей десять.

Майор вместо ответа протяжно свистнул.

– Двадцать, что ли?

– И сто платят.

– Ишь ты. Богатые покупают?

– Да, брат. Нам с тобой такой ёлки не купить. А ты спи лучше!

– Не хоцца, дяденька…

– А ты всё, спи.

Мальчуган замолк и вздохнул.

Тем временем майор стал считать небольшую кучку медных денег, лежащую на столе. Оказалось всего сорок две копейки. Майор задумчиво покачал головой и тоже вздохнул.

– А у тебя была ёлка, когда ты был маленький? – снова заговорил мальчик.

Этот неожиданный вопрос, по-видимому, возбудил в майоре кучу воспоминаний из далёкого прошлого, представлявшего такой резкий контраст с настоящим. Счастливое детство пронеслось перед ним каким-то светлым, радостным призраком и потонуло во мраке позднейших лет постепенного падения, воровства, пьянства и нищеты.

И он раздумчиво ответил:

– Была.

– Каждое Рождество была?

– Да… В сочельник всегда была…

– И хорошая?

– Чудесная. вроде той, какую ты сегодня видел.

И майор, невольно увлечённый нахлынувшими воспоминаниями, стал подробно рассказывать, какие у него бывали ёлки, и как он, одетый в шёлковую красную рубашку, танцевал и веселился вместе с другими детьми, такими же нарядными, и сколько было на ёлке игрушек, фруктов и конфет, и как их раздавала его мать, красивая, статная барыня.

Мальчик слушал, как очарованный, словно сказку, этот

рассказ, наполовину правдивый, наполовину прикрашенный фантазией павшего человека, желавшего осветить лучезарным блеском хоть далёкое прошлое.

И, когда майор замолк, мальчик несколько минут спустя спросил:

– Это ты, дяденька, всё наврал? У тебя таких ёлок не было?

– Были!.. – ответил майор.

– Ну? – с сомнением протянул мальчик.

Майор понял, почему сомневался его товарищ, и пояснил:

– Прежде я, Федя, богатый был…

– Ишь ты. А теперь, значит, нищий! – недоумевал мальчик и вдруг грустно проговорил: – А у меня так никогда ёлки не было!

– А ты хотел бы ёлку?

– А то нет?

– Так, может, и у тебя будет ёлка! – решительно произнес майор, и его сиплый басок зазвучал нежностью.

В ответ на это мальчик недоверчиво усмехнулся, словно бы хотел сказать своему старому сожителю: «Ври, дяденька, больше!»

– Однако довольно-то нам языки чесать. Давай лучше, братец, спать.

И, потушив лампочку, майор улёгся на свою убогую койку, прикрывшись всем своим гардеробом.

В скором времени мальчик заснул, и громкое его дыхание раздавалось среди тишины. Но майор долго ещё кряхтел и ворочался на жёстком ложе. Мысль об ёлке для этого бездомного сироты, скрасившего печальные дни горемычной жизни майора, гвоздём засела в его голове. Недаром же он, старый пропойца, так привязался к маленькому существу и излил на него всю любовь своего сердца. Недаром же он стал менее пить с тех пор, как этот сирота был взят им от пьяной, развратной бабы, тётки мальчика, которая его била и с охотой отдала майору. И мальчик скоро полюбил своего доброго товарища и пестуна, никогда не обижавшего своего «дохленького» маленького приёмыша…

Разные планы о том, как добыть рубля два-три, чтобы устроить завтра ёлку, бродили в голове майора и казались несбыточными. Надежды на его засаленное прошение, с которым он ходил иногда по домам и в котором изъяснялись беды престарелого майора, отца многочисленного семейства, раненного на войне, казались слишком рискованными, ввиду скептицизма петербуржцев, бессердечия швейцаров, торчащих перед праздниками у дверей, и ввиду собственной его, далеко не респектабельной наружности, в особенности его сиво-багрового мясистого носа, не внушавшего большого доверия… А эти уличные подачки слишком малы, чтобы набрать такую сумму,

какая требовалась.

Но чем более казались недостижимыми мечты майора об ёлке, тем сильнее загоралось желание осуществить их и доставить радостный сюрприз единственному в мире существу, привязанному к нему, давно всеми забытому и презираемому.

И майор заснул наконец неспокойным, тяжёлым сном, но полный решимости, словно Наполеон перед Бородинской битвой.

II

Собрался он в поход рано утром, когда его маленький товарищ ещё сладко спал. Перед тем майор, при свете лампочки, привёл свою физиономию в возможно приличное состояние, закрутил усы по-военному и преобразился в раненого, т. е. подогнул колено и привязал его к деревяшке. После того он осторожно снял с мальчика своё пальто, накрыв спящего халатом, натянул пальто сверх дырявой жилетки, прикрывавшей голую грудь, повязал шею большим шерстяным шарфом и надел картуз с большим козырем. В общем получался военный вид, что и дало бывшему когда-то чиновнику кличку «майора»…

Квартирная хозяйка, бойкая вдова городового, уже возилась у плиты, когда в кухне появился майор.

– Что так рано, майор? – спросила она.

– Сами знаете. праздники. – сосредоточенно ответил майор, прикладываясь к козырьку и уже входя в роль военного человека. – Да и привык на службе-то рано вставать. Служба царская, сами понимаете!

Он вручил хозяйке пятнадцать копеек и, наказав купить ситника к чаю и накормить обедом мальчугана, попросил передать ему, чтобы он не выходил никуда из дому, пока майор не вернётся, и вообще присмотреть за мальчиком, если он сделается нездоров.

– И то вчера прозяб! – прибавил он и, галантно приложившись к козырьку картуза, вышел вон.

Утро стояло морозное, такое же ветреное, как вчера, и прохватывало майора. Но он, казалось, не обращал на это внимания и твёрдыми, бодрыми шагами, серьёзный и решительный, шёл по направлению к кабаку, где был завсегдатаем. Войдя туда, он молча раскланялся с заспанным сидельцем, выпил стаканчик водки, крякнул и конфиденциально шепнул ему:

– А я к вам, Иван Филиппыч, сегодня с маленькой просьбой.

– Какая же будет ваша просьба, майор? – отвечал

краснощёкий ярославец.

– Тут есть одно обстоятельство… Мне бы рублик в долг… дней на пяток. Верьте.

– Ну уж это извините, майор. Насчёт напитку, сами знаете, я вам завсегда оказываю кредит, а чтобы деньгами. Уж не прогневайтесь, майор. Небось сегодня вы и больше рубля насбираете.

Майор молча приложился к козырьку и вышел на улицу.

Сперва он обходил лавки и собирал копейки. Много обошёл он таким образом лавок и насбирал копеек сорок. А мороз крепчал, и майору становилось жутко от холода. Надо было согреться, и к полудню он зашёл в закусочную, выпил ещё стаканчик, съел порцию селянки, приготовленной бог весть из каких отбросов, и, обогревшись, снова вышел на улицу, рассчитывая «работать» теперь, обращаясь к проходящим, и при удобном случае заходить в квартиры.

Майор благоразумно избегал очень бойких улиц и шатался более по улицам глухим, где не бывало городовых. Завидя какую-нибудь даму, майор не без достоинства прикладывал руку к козырьку и тихо, словно желая сообщить какой-нибудь секрет, говорил: «Отставному военному, мадам. Не откажите?»

Но дамы по большей части пугливо прибавляли шаги и озирались: нет ли поблизости городового. Что же касается до мужчин, то они как-то безучастно внимали и русским и французским фразам майора, и трагическим и комическим его обращениям. Таким образом, пробродив часа два, бедный майор собрал ещё всего двадцать копеек, поданных ему одною купчихой и каким-то подвыпившим господином, которого майор абордировал фразой: «на сорокоушку, s'il vous plait [1]», что, видимо, очень понравилось весёлому господину, давшему майору целый гривенник. Вообще «работа» шла плохо. Погода стояла дьявольская, и некогда было подавать милостыню.

Майор начинал снова зябнуть и падать духом при мысли об ёлке. Он пробовал было обращаться к швейцарам, чтобы его пустили подать прошение, но швейцары не пускали и посмеивались над его костюмом и над его серьёзным видом, полным чувства собственного достоинства.

Тем не менее майору удалось-таки проникнуть во двор одного большого роскошного дома, минуя дворников, прочитать на доске фамилии жильцов, войти с чёрного хода в большую, светлую, тёплую кухню и, поклонившись дебелой, краснощёкой «кухарке за повара» самым любезным манером, сказать с изысканною вежливостью, стараясь придать своему сиплому баску возможно нежное выражение:

– Осмелюсь, мадам, обеспокоить вас вопросом: генеральша Тонкоусова изволит быть дома?

Несмотря на столь любезное обращение, «кухарка за повара», быстро оглядев и костюм и физиономию неожиданного посетителя, весьма сухо спросила:

– А вам зачем нужно генеральшу? По каким-таким делам?

– По своим собственным, к прискорбию… По семейным делам… Я имел честь прежде служить под начальством генерала и потому осмелился. Не извольте, мадам, сомневаться! Я. отставной офицер. майор от армии… ранен пулей в ногу… Болезнь довела меня до несчастия… Пятеро детей. последний малютка. Не откажите подать генеральше это свидетельство.

И с этими словами, кинув на кухарку быстрый взгляд, словно бы испытующий степень произведённого впечатления, майор вытащил из-за пазухи засаленное прошение, в котором собственноручно изложил свои боевые заслуги, наделив себя многочисленным семейством, и протянул бумагу к кухарке, видимо несколько смягчившейся после красноречия майора.

– Напрасно только докладывать! – проговорила она. – Наша генеральша без рекомендации никому не подаёт.

Майор не без трагизма указал правой рукой на свою деревяшку и произнёс с горькой усмешкой:

– А это разве не рекомендация?!

И, выдержав паузу, прибавил:

– Доложите, мадам, будьте снисходительны к несчастному майору. Быть может, генеральша соблаговолит пожаловать рубликом.

– Ни за что! Она у нас карахтерная и чистый скаред! – с внезапным раздражением ответила кухарка. – Много-много

двугривенный даст и то вряд ли. Вы подождите. Вот придёт лакей. Он доложит…

Майор снова упал духом и думал уж уходить пытать счастья в следующем этаже, как вдруг быстрый его взгляд заметил, что в жестяной лоханке, совсем близко от него, лежит целая куча серебряных ложек, ножей и вилок, предназначенных для мытья. И внезапная мысль осенила майора.

«Две ложки совсем бы устроили его дело. Сбыть их можно за два рубля, и ёлка готова!» – пронеслось в его голове с быстротой молнии в то время, как он в мрачной позе трагического актера едва заметно подвигался к соблазнительной лоханке. Он испытывал и страх неудачи и сладкое волнение при мысли о радости мальчугана, и зорко наблюдал за кухаркой.

Прошла минута, другая, третья. Кухарка отвернулась. Майор в это мгновение страшно закашлялся, и пара ложек была уже у

него за пазухой, а сам он в почтительном отдалении от лоханки всё в той же трагической позе.

Всё обошлось благополучно. Кухарка ничего не заметила.

– Простите, мадам, ещё слово: быть может, лакей не скоро придет? – осведомился наконец майор.

– Верно, гости. Он и торчит там…

– В таком разе уж лучше я завтра, с вашего позволения, приду, а сегодня в другие дома наведаюсь. Позвольте вас чувствительно поблагодарить за готовность и пожелать вам всего хорошего в жизни. Adieu! [2]

Раскланявшись ещё с большей любезностью, майор, надев картуз, вышел из кухни и не без некоторой тревоги прошел двор. Выйдя за ворота, он торопливо зашагал вдоль улицы, и, только очутившись на значительном расстоянии от большого дома, облегчённо и радостно вздохнул, с торжеством победителя нащупывая в кармане будущую ёлку.

III

В седьмом часу майор вернулся в свою трущобу озябший, слегка выпивший и радостно взволнованный. На плече у него была небольшая ёлочка с красными бумажными обручами и розанами, а в большой суме, подшитой под пальто, лежало несколько свёртков и пол штоф водки.

При виде майора с ёлкой, квартирная хозяйка разинула рот – до того это было неожиданно и ни с чем несообразно. Она, впрочем, любезно разрешила майору убрать ёлку в своей комнате, чтобы порадовать мальчика неожиданностью.

– Кстати он и спит! – сказала она и прибавила: – Ишь ведь выдумали! Видно, майор, сегодня хорошо работали?

– Ничего себе… недурно! – не без гордости отвечал майор, вынимая свёртки.

И вслед затем он приступил к уборке ёлки. Делал он это с самым серьезным и торжественным видом, весь погруженный в своё занятие. Хозяйка помогала ему, перевязывая нитками разные вкусные вещи, которые майор развешивал сам, стараясь придать ёлке пышный и элегантный вид.

– Ай да майор! Сколько накупил! – удивлённо восклицала по временам хозяйка.

– Нельзя. Уж ёлка так ёлка! – весело замечал майор, не отрываясь от работы.

Наконец ёлка была убрана и свечи укреплены. Майор обошел ёлку со всех сторон и, видимо, остался доволен.

– Ведь хороша, Матрёна Ивановна?

– Уж на что лучше, майор. Хоть бы генеральскому сыну! – одобрила хозяйка.

Майор зажёг свечи и осторожно внёс ёлку в маленькую свою каморку. Следом за ним квартирная хозяйка несла водку, колбасу, кусок ветчины и булки и всё это расставила на маленьком трехногом столе, составлявшем главную мебель майорского помещения.

– Федя… вставай, братец! – будил майор своего товарища.

Ослеплённый светом, мальчик встал и, протирая глаза, изумлённый смотрел на маленькую ёлочку, горевшую огнями и убранную десятком яблоков, копеечными пряниками, мармеладом, золотыми орехами и разными дешёвыми украшениями.

Мальчику казалось, что он во сне, и он стоял около ёлки, словно очарованный, не смея к ней подойти.

Майор любовался и восхищением мальчика и произведением своих рук.

– Я обещал тебе ёлку, Федя. Ну вот она и есть! – проговорил радостно майор, и в голосе его звучала бесконечная нежность.

Мальчик пришёл в неописанный восторг. Приблизившись к ёлке, он жадными блестящими глазёнками оглядывал её во всех подробностях.

– Да ты ешь, Федя. Что хочешь ешь. Всё – твое! – говорил майор, поднося Матрёне Ивановне стаканчик.

Мальчик не заставил себя просить и стал уписывать за обе щеки и сладости, и ветчину, и колбасу, не особенно заботясь о последовательности.

В не меньшем восторге был и майор. Он довольно скоро распил с Матрёной Ивановной полштоф и любовно поглядывал на своего товарища и на ёлочку, осветившую радостным светом их убогую каморку и горемычную жизнь.

1880

Николай Вагнер
Новый год

I

С Новым годом! С Новым годом! И все веселы и рады его рождению.

Он родился ровно в полночь! Когда старый год – седой, дряхлый старикашка – укладывается спать в тёмный архив истории, тогда Новый год только, только что открывает свои младенческие глаза и на весь мир смотрит с улыбкой.

И все ему рады, веселы, счастливы и довольны. Все поздравляют друг друга, все говорят: «С Новым годом! С Новым годом!»

Он родится при громе музыки, при ярком свете ламп и канделябр. Пробки хлопают! Вино льется в бокалы, и всем весело, все чокаются бокалами и говорят:

– С Новым годом! С Новым годом!

А утром, когда румяное, морозное солнце Нового года заблестит миллионами бриллиантовых искорок на тротуарах, домах, лошадях, вывесках, деревьях; когда розовый нарядный дым полетит из всех труб, а розовый пар из всех морд и ртов, – тогда весь город засуетится, забегает. Заскрипят, покатятся кареты во все стороны, полетят санки, завизжат полозья на лощёном снегу. Все поедут, побегут друг к другу поздравлять с рождением Нового года.

Вот большая широкая улица! По тротуарам взад и вперед снуёт народ. Медленно, важно проходят тёплые шубы с бобровыми воротниками. Бегут шинелишки и заплатанные пальтишки. Мерной, скорой поступью – в ногу: раз, два, раз, два – бегут, маршируют бравые солдатики.

Вот между народа бежит и старушоночка, а с ней трое деток. Старший сынок в маленьком обдёрганном тулупчике без воротника и в протёртых валенках бежит впереди, подпрыгивает, подплясывает и то и дело хватает за уши – бегут, бегут, скрип, скрип, скрип.

– Мороз лютой, погоняй не стой!.. Бежим, матка, бежим!

– Бежим, касатик, бежим, родной. Мороз лютой, погоняй не стой!.. Господи Иисусе! – Бежим, Гришутка, бежим, лапушка!..

И Гришутка торопится, пыхтит, семенит ножонками. Скрип, скрип, скрип… От земли чуть видно. Шубка длинная, не по нём,

но его поддерживает сестрёнка Груша. Поддерживает, а сама всё жмётся, ёжится. – Похлопает, похлопает ручками в варежках и опять схватит Гришутку за ручку и – побежит, побежит!..

– Мороз лютой, погоняй не стой!..

Но Гришутка не чувствует мороза. Ему тепло, ему жарко. Пар лёгким облачком вьётся около его личика.

И весь он там, ещё там, где они были назад тому с полчаса. В больших палатах, где большая, большая лестница уставлена вся статуями и цветами. Там швейцар с большими чёрными баками, весь в золотых галунах, в треугольной шляпе и с большою палкой.

Там живет сам «его превосходительство», и они ходили поздравлять его с Новым годом.

Каждый Новый год приходит Петровна с детками поздравлять его превосходительство, и каждый раз его превосходительство высылает ей три рубля за верную и усердную службу её покойного мужа Михеича.

И на этот раз швейцар доложил – и через час выслали с лакеем новенькую, не согнутую трёхрублёвую бумажку.

Петровна поклонилась, поблагодарила, перекрестилась, дала швейцару двугривенный, на который он посмотрел искоса, подбросил на руке и затем с важностью опустил в жилетный карман.

Всё время, пока они стояли в сенях у его превосходительства, Гришутка на всё дивовался, всё осматривал своими большими чёрными глазами и поминутно теребил мать за рукав.

– А это, мама, лестница? – лепечет он чуть слышно.

– Лестница, касатик, – шепчет мама.

– А куда она идёт?

– Наверх, в комнаты.

– Они тоже большущие?

– Большущие, касатик, большущие.

– А на лестнице это сады рассажены?

– Сады, родименький, сады.

– А между ними, что за куклы большущие, белые, стоят?

– Это для красы, лапушка, для красы.

– А это что, вон там, светлое такое – большущее?

– Это зеркило, касатик, зеркило.

– А это, посреди, из чашки вверх бежит, это что такое, мамонька?

– Это фантал, касатик, фантал… А ты нишкни, лапушка, сейчас прийдут… не хорошо болтать-то…

И Гришутка замолк, но не успокоился. Его чёрные глаза словно хотели проникнуть насквозь и ковёр на лестнице, и медные прутья, которыми он был пристёгнут, и лепку на сводах

высоких пилястр, и грациозную фигурку сирены, поддерживающей чашу фонтана.

«Вот бы туда посмотреть! – думал он, – в те большущие комнаты, что на верху этой лестницы с куклами. Там, чай, каких чудес нет?..»

И он бежал дорогой и всё придумывал, воображая – какие должны быть чудеса на этой большущей лестнице?

– Бежим, бежим, лапушка, замёрзнешь, – торопила Груня.

И Гришутка инстинктивно бежал скоро, скоро, скоро. Скрип, скрип, скрип, скрип, скрип!..

II

Прибежали в переулчишко, узенький, дрянненький, в двухэтажный серенький домишко и то на задний двор, чуть не в подвальный этаж; перед грязным, заплёсканным крылечком целая гора намерзла грязных помоев. Скатились, точно в яму. Здравствуйте! домой пришли.

– Холодно! голодно!

– Погодите, ребятки, – говорит мать, – теперь у нас есть что поесть и чем погреться. Погодите, родненькие. Сейчас будем с Новым годом. Я духом слетаю, дровец куплю, того, сего.

И действительно, духом слетала. Только по дорожке, на самую чуточку-минуточку в питейный дом завернула и шкалик перепустила, – да тут же рядом в лавочке пряничков, орешков, леденчиков купила и три фунта колбасики вареной, да краюшку решотнаго, да полфунтика масла промёрзлого – чтобы Новый год было масляно встречать.

– Ну! Пташечки-касаточки, вот вам! – И того, и сего, и этого… Груня, клади, матка, живей дровец в печь! Насилу, насилу все-то дотащила.

И Груня положила дровец, растопила печку. Зажарили варёную колбасу в масле. Мать суетилась без отдыха. Груня и Вася помогали ей с усердием. Вскипятили самоварчик, достали с полочки чайник с отбитым носком, с трещинами, чашки полинялые и побурелые. Из сундука вынули сахар в жестяной коробочке и щепотку чаю, бережно завёрнутую в бумажку. Чай давно уже пахнул кожей и сеном. Впрочем, он и свежий был с тем же самым ароматом.

Только Гришутка не принимал участия в общей хлопотне. Он как сел у замёрзлого окошечка, так и не отходил от него. Он хмурился и скоблил ледяные узоры на разбитых оконцах. Но, очевидно, машинально скоблил, а его душа и мечты находились

там, там – в этих большущих сенях с мраморной лестницей, усаженной садами, уставленной большими куклами…

– Гришутка, касатик, дай скину красну рубашечку – да в сундучок спрячу – до праздника. А то, не ровен час, касатик, запачкаешь, упаси Господи!

– Нет, мама, я в ней останусь.

– Запачкаешь, мол, говорю, касатик. – И мать подходит к нему, обнимает и целует – в надежде, что касатик снимет драгоценную рубашечку из красного канауса и плисовые чёрные шаровары, подарок крёстной матери; но касатик положительно возмущается.

– Отстань, мамонька! Говорю: не замай!.. От тебя вон водкой воняет.

– А это я для куражу, для праздничка, лапушка, выпила, – оправдывается мама, быстро вертя рукой около смеющегося, красного, истрескавшегося лица.

– Ну, ладно! Отстань, мамонька, я целый день буду в эвтом ходить, – вот что! И мамонька отстала. Пущай его, думает она, уснёт младенец, я его, крошечку, раздену, а теперь пущай пощеголяет, душеньку для праздника потешит.

– На-ко, сахарный, леденчиков да пряничков! – предлагает она.

И сахарный машинально, задумчиво берёт леденчики и прянички. Но, очевидно, думы его слаще ему леденчиков и пряничков.

Наелись, напились, – напраздничались. – Пришли гости: кум, да сват, да свояченица, принесли гостинцев.

– С Новым годом, с новым счастьем. Дай Бог благополучно!..

Послали Васю за полуштофом. Опять поставили самовар, и пошли чаи да россказни без конца и начала…

Наконец, наговорились, разошлись по домам.

Стемнело. Гришутка припрятал пакет, что мать принесла с пряниками, и в нём с десяток пряничков и леденцов. Как ни тянуло его, он ни один не съел, всё припрятал с пакетом, завернув его тщательно, и всё держал за пазухой.

– Мамонька! – обратился Гришутка к матери, – а там, там, где мы были, – там долго спать не ложатся?..

– У его превосходительства?.. И-и, касатик медовой, ведь они баре, – сказала она шёпотом. – У них ночь заместо дня. Мы давно уже спим, а они до вторых петухов будут сидеть.

– Что ж это они делают, мамонька?!

– А вот что, касатик. Сёдни вечером у них ёлка. Большущу, большущу таку ёлку поставят и всю её разуберут всякими гостинцами, конфектами, да всю как есть свеченьками уставят.

Страсть хорошо! А на верху, на самом верху звезда Христова горит… Таки прелести – что и рассказать нельзя. Вот они, значит, около этой ёлки все соберутся и пируют.

И Гришутка ещё больше задумался. – Большая ёлка, с Христовой звездой наверху, приняла в его детском всё увеличивающем представлении сказочные, чудовищные размеры.

К вечеру матка стала совсем весела. Всех, и Васю, и Груню, и Гришутку, заставляла плясать и сама прищёлкивала и припевала:

Уж я млада, млада сады садила,
Ах! Я милого дружочка поджидала.

Наконец, она совсем стала сонная. Ходила покачиваясь. Всё прибирала. Разбила две чашки, расплакалась, свалилась и захрапела.

– Ну, – сказал Ваня сестре. – Теперь матку до завтра не разбудишь. Пойдём за ворота поглазеем. И они, накинув тулупчик и пальтишко, вышли за ворота.

Гришутка остался один.

В комнате совсем стемнело. Он присел около печки в угол, прислонился к ней и думал упорно всё об одном и том же. Тёмная комната перед ним вся освещалась, горела огнями. Чудовищная ёлка вся убиралась невиданными дивами, и все ярче горела на ней звезда Христова. Наконец воображение устало. Гришутка зевнул, съёжился, прислонился ловчее к печке и крепко заснул…

Долго, долго прогуляли Груша с Васей: бегали на большую улицу, смотрели в окна магазинов, наконец вернулись, и целые клубы пара ворвались с ними в комнату. Он обхватил, разбудил Гришутку.

Весело перешёптываясь и смеясь, дети разделись и спать улеглись, – а об Гришутке забыли.

Он тихонько привстал, потянулся. Подождал, пока брат и сестра заснули. Тихо, на цыпочках подошел он к своей шубке. Кое-как надел её. Надел шапку, варежки, натянул валенки – и тихонько вышел, притворив дверь как мог плотнее.

Чёрная ночь обхватила его морозным воздухом. В переулке тускло мерцали фонари.

III

Он помнил только, что «его превосходительство» живёт на улице, которая называется Большой Проточной, и что в эту улицу надо свернуть с Заречного проспекта.

Вышел он из переулочка на улицу и у первого попавшего «дядюшки» спросил – как ему пройти в Большую Проточную.

– Эх ты, малыш! – сказал дядюшка. – Как же ты эку даль пойдёшь? Ступай до угла, а там поверни налево… и всё прямо, прямо иди, всё так-таки прямо всё иди, иди по проспекту-то, а там спроси – укажут, чай, добры люди. Ах ты, малыш, малыш! Смотри через улицу не переходи! Задавят. Да тебя кто послал-то?!.

– Никто, дядюшка, я сам, к его пли-восходительству иду.

– Сам! – удивился дядюшка и долго смотрел вслед Гришутке, – а он, подобрав шубку, бежал, бежал, как было указано. Пот давно уж капал с его раскрасневшегося личика. Он шатался. Ноги ему отказывались служить.

Наконец еле дыша, чуть не плача, подошел он к другому «дядюшке».

– Дяденька! Укажи мне, где Большая Проточная.

Дяденька поглядел на Гришутку, подумал. Нагнулся к нему.

– Считать умеешь?

– Нетути!..

– Нету-ти. Ну, вот что. Смотри, – и он растопырил пальцы. – Вот одна улица, другая, третья. И поверни ты в эту третью. Это и будет Большая Проточная… Понял?

– Понял! – прошептал Гришутка. – И с новыми силами, с новой бодростью в сердце побежал дальше.

Против первой улицы он загнул один пальчик, против второй – загнул другой, в третью повернул. Шёл, шёл и вот. Да! Действительно, это был он, дом «его превосходительства». Но отчего же перед ним стоят всё кареты, кареты?

Гришутка вздохнул полной грудью и поднялся на крыльцо.

С трудом он чуть-чуть отворил и протиснулся в большие дубовые двери с зеркальными стеклами. Отворил он и вторые двери и очутился в сенях.

Газовые лампы ярко горели. В сенях никого не было. Зато в швейцарской направо слышались громкие голоса и смех.

Гришутка подумал, идти ли ему к швейцару, или не идти. Он боялся его большой палки с золотым шаром и больших чёрных бакенбард. На вешалке висело много шуб. Он скинул тулупчик, свернул его комочком и положил на пол в уголок. Затем вынул из-за пазухи гостинцы – пакетик с леденцами и пряниками – и бодро отправился вверх по мраморной лестнице.

Статуи точно смотрели на него с их пьедесталов; но он, не глядя на них, бойко всходил наверх. Маленькое его сердце колотилось в груди, голова шла кругом.

Наконец он поднялся на высокую лестницу. Там, наверху, всё

зеркала, зеркала – и он увидал в них себя, увидал свое раскрасневшееся личико – с большими чёрными глазами.

Потом он вошёл в первую залу – всю красную, раззолочённую. Пол такой скользкий и блестит как «зеркало». А там, впереди, был шум, говор, детские голоса, детский смех.

Гришутка пошёл туда. Он прошёл всю длинную залу и подошёл к двери. Перед ним была большая, большая белая зала, – и посреди её большущая ёлка.

Вся она сверху донизу горела и сверкала огоньками! А на самом верху сияла большая, большая звезда Христова.

Кругом ёлки были дети, много детей в ярких нарядных платьицах. А кругом них стояли господа, барыни… Шум, говор, смех!..

У Гришутки потемнело в глазах. Вся зала покрылась словно туманом и закачалась. Но это было ненадолго. Он вытянул вперёд ручонку с гостинцами, плотно прижал другую к груди, к колыхавшемуся сердцу и бодро пошёл вперёд.

Он подошёл прямо к высокому седому господину.

Этот господин и был сам «его превосходительство».

– Ваше пливосходительство! – сказал внятно Гришутка, – вот я пришёл с Новым годом вас поздравить. Вот-с и гостинцы!

– Это мне? – спросил его превосходительство.

– Вам, ваше пливосходительство. А мне можно будет поиграть здесь?

Его превосходительство удивлёнными глазами, не переставая улыбаться, посмотрел на Гришутку, на его доброе, красивое личико с умными большими глазами.

Он смотрел, а сам развёртывал серый пакетик с леденцами и пряниками.

– Да кто же ты? – спросил он с недоумением, оглядываясь кругом.

– Я Гришутка. Мама, знаете, спать легла, и все спать легли. Я всё сидел да думал, сидел да думал, как бы мне посмотреть на большую ёлку. Взял да и пошёл один. Спросил сперва одного дяденьку, потом другого дяденьку, – а он растопырил этак руку – вот, говорит, одна улица, а вот другая улица, и там будет третья. Ты в третью-то и ступай…

Большие и малые обступили Гришутку. Нимало не смущаясь, он осматривал всех и продолжал рассказывать.

– Да кто же твоя мама? – спросил его хозяин дома.

– А Петровна. чай, знаете?

– Quel charmant enfant! (Какое прелестное дитя), – сказала одна молодая дама. – Dieu! Quels yeux! (Какие чудные глаза!)

– Где же живет Петровна? – спросил его превосходительство,

обёртываясь к дверям залы. У этих дверей стояли несколько слуг и один скоро, скоро подошёл к его превосходительству.

– Узнайте, где живет Петровна? – сказал его превосходительство.

И слуга быстро побежал, узнал и доложил, что Петровна живет на Песках, в Глухом переулке.

– Боже мой! и этакую даль ты шёл один! – вскричали дамы.

– Тссс! – произнес генерал, покачав головой.

– Ну, – сказал он, – Гришутка, теперь пойдём – я тебя, брат, представлю хозяйке дома, – и он повёл Гришутку за руку в гостиную, в которой было не так светло и где сидели старые, почтенные дамы.

– Вот, – сказал он, входя в гостиную, – рекомендую вам джентльмена с Песков. Один ночью пришел с Песков сюда, пришёл поздравить меня с Новым годом – и вот вам – гостинцы принёс… не угодно ли. – Говоря это, он любезно предложил дамам – les bonbons de Piessky.

– Quel delicieus enfant! – вскричали дамы. – Прелестный ребенок: подойди, душечка, сюда. Ravissant… Как же это ты один шёл. И не страшно тебе было?

– Нет, – сказал Гришутка. – Я, знаете, всё бежал, бежал так шибко, шибко. Одного дяденьку спрашиваю, где, мол, Заречный проспект, а он говорит: тебя, мол, говорит, кто послал?..

– Да тебе сколько лет-то? Клоп ты с Песков!.. – спросил вдруг его превосходительство.

– Мне сёмой.

– Qu'est ce que ca.; сёмой – quel baragouin! i

– Вот, княгиня, – обратилась хозяйка к старой, больной даме. – Вы искали воспитанника. Вот вам сирота, изволите видеть… один в одиннадцатом часу с Песков пришёл. Можете вы себе представить. один, один. с Песков пришёл.

Княгиня взяла Гришутку за ручку и притянула к себе. Она посмотрела в его личико. Гришутка пристально посмотрел на неё.

– Знаешь что, Гриша, – сказала она, – это не сам ты пришел, а Бог привёл тебя. ты любишь Бога?..

– Для-чё не любить. Я всех люблю, коли кто добрый. А вот у нас дворник Наумыч, чай, знаете, он злющий, всё маму бранит. Я его не люблю.

– А меня будешь любить?

– Тебя-то?

Он пристально посмотрел на добрые, полусонные глаза княгини.

– Ладно. Для-чё не любить.

Говоря это, он тщательно рассматривал вышитый ридикюль

княгини и кисти его из стального бисера.

– Ну! Гришутка с Песков, – сказал генерал, – пойдём теперь в залу. За твои гостинцы я тебе сам дам гостинца. И, взявши опять Гришутку за ручку, он привёл его к ёлке.

– Ну, чего хочешь? Выбирай!

Пред Гришуткой запестрели нарядные бонбоньерки, корзиночки, игрушки – всё как жар золотом горело и рябило глаза. Но Гришутка твёрдо помнил одно то, что занимало его целый вечер.

– Мне, дяденька, ваше пливосходительство, – сказал он, – Христову звезду дайте.

– Какую Христову звезду? – спросил удивлённо его превосходительство.

– Вон, вон, на самой вершинке-то – така, как жар горит!

– Ооо! чего захотел! Самой вершинки захотел. Ах ты, клоп с Песков!.. Да как же я достану до звезды-то Христовой. Видишь, видишь… я ещё не дорос до неё…

– А вы, дяденька, ваше пливосходительство, велите лестницу принести. Такую большущу, у нас есть на Песках така лестница, что по крышам лазают.

– Ха! ха! ха! – засмеялся его превосходительство, и все дети дружно захохотали кругом.

– Ну, я велю принести лестницу, – сказал его превосходительство, – только, думаю, такая лестница и здесь найдётся, за ней не надо на Пески ходить.

И он велел принести лестницу.

Принесли её три лакея и подкатили как раз к ёлке.

– Ну, – сказал генерал, – Гришутка с Песков, вот тебе и лестница. Теперь, если хочешь, полезай сам и доставай Христову звезду.

И Гришутка бодро кинулся на лестницу. Бойко взошел он на неё. Но ручонка не доставала до звезды.

Не долго думая, он схватил ближайшую ветку и потянул к себе. Несколько свечек упало, несколько золочёных яблоков и орехов полетело вниз; но Гришутка крепко схватился за звезду, изо всех сил потянул ее, и звезда осталась у него в руке.

Высоко подняв звезду над головой, весь красный от волнения, весь дрожа, он начал спускаться с лестницы. Дети и барыни закричали «браво, браво!» и громко захлопали в ладоши.

Гришутка спустился с своим сокровищем.

– Ну, – сказал его превосходительство. – Молодец, Гришутка с Песков! Знаешь ли, что это за звезда?

Гришутка ничего не отвечал. Он тяжело дышал.

– Эта звезда будет твоей путеводной звездой, – понимаешь? –

твоей путеводной звездой. Она тебя выведет на дорогу. Береги её!

IV

Прошло много, много лет.

Давным-давно не стало матери Гриши. Не стало Груни и Васи. Умер его превосходительство и княгиня-воспитательница Гриши, а сам Гриша из Гришутки давно превратился в Григория Васильевича, и сам стал «его превосходительство».

Он даже поселился на Большой Проточной, недалеко от прежнего дома его превосходительства, от того самого дома, в котором он добыл когда-то свою «путеводную звезду».

Он жил в третьем этаже на большой лестнице; на ней также стояли статуи и большие растения. И эта лестница была общая для всех этажей и всех квартирантов.

В квартире была большая передняя и несколько комнат, светлых, чистых и просторных.

У него была добрая старушка жена, три взрослые дочери и две внучки.

Всю жизнь его вела «путеводная звезда» по светлой прямой дороге. Он всю жизнь хлопотал о том, как бы устроить для всех Гришуток приюты, где бы они воспитывались и выходили в люди не по прихоти случая или «путеводной звезды».

Он думал, что придет, наконец, то блаженное время, когда не будет глухих закоулков на разных «Песках» и люди не будут жить в подвальных этажах, подле помойных ям и мёрзнуть от холода в зимние морозы.

Он много трудился над этим делом – и теперь почти пятьдесят лет прошло с тех пор, как он в первый раз выступил на эту дорогу.

Много было основано им всяких благотворительных обществ и учреждений, много построено всяких благодетельных зданий и заведений. Но чем более он их строил, тем дальше уходила от него цель, за которой он гонялся, как мальчик за тенью.

Пятьдесят лет тому назад он вышел на смертный бой с тем чудовищем, которое зовут людской бедностью.

Он бился с ним ровно полвека, и что же?.. Чем больше он бился, тем больше вырастало чудовище. Он строил новые учреждения, и новые головы вырастали у чудовища, как у гидры.

Город разросся. Но не исчезли его «Пески» и глухие закоулки. Они только отодвинулись на новые окраины, а в самом центре завелись углы и подвалы – грязные закоулки и разные помойные ямы. Завелись целые приюты нищеты и разврата…

Он чувствовал, как руки его опускались, – он, семидесятилетний старик, – чувствовал, что борьба кончилась, что победило его страшное чудовище.

Грустный, испуганный сидел он один в своём кабинете, накануне Нового года, опустив на руки свою седую голову.

А в зале раздавались веселые голоса, детский смех.

Но ничего не слышал он. Не сводя глаз, он смотрел прямо, упорно, и глаза его в ужасе раскрывались шире и шире.

Перед ним стояло отвратительное чудовище – грязное, худое. Оно дрожало от холоду и едва ворочало коснеющим языком. Его костлявое тело выглядывало из множества дыр обдёрганного, обтрёпанного рубища.

А сзади его, смеясь, самодовольно шло другое чудовище, ещё более отвратительное, – чудовище, страшное своей бесчеловечностью и силой. Оно хохотало пронзительно – и при этом тряслись его длинные пейсы и остроконечная борода…

Оно шло на смену и было непобедимо.

Нестерпимый ужас охватывал сердце.

– «Путеводная звезда», – шептал он, – «путеводная звезда», куда ты меня привела?!!

И он смотрел с укором на эту «путеводную звезду», на это воспоминание из его далёкого детства. Она висела перед ним на стене, обделанная в золотую рамочку.

Но в это время в соседней комнате раздались детские голоса, и в кабинет к нему ворвалась весёлая компания.

Впереди всех бежали две его внучки с бокалами в руках, с букетами белых роз.

– С Новым годом, деда, с Новым годом!.. С новым счастьем, – и они обе обхватили его шею…

Подошли дочери, подошла и жена – и обняли его голову.

– С Новым годом, старик! – сказала она, целуя его.

Но старик ничего не ответил. Только горькие слёзы тихо катились по его доброму старческому лицу.

notes

Примечания

1

Пожалуйста (франц.).

2

До свиданья! (франц.).